

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ Л. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

П. А. Семенов

Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества (БИИЯМС), Санкт-Петербург

В статье рассматриваются особенности функционирования безличных предложений с категорией состояния в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» на фоне других синонимичных и квазисинонимичных синтаксических структур, являющихся средствами объективации повествования; дается оценка разных точек зрения на место этих предложений в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: односоставное предложение, безличное предложение, категория состояния, синтаксические синонимы, этнофилософия, языковая картина мира.

1. Постановка вопроса. В последние десятилетия в рамках антропоцентрической парадигмы в языкознании активно ведется изучение русского синтаксиса в этнолингвистическом аспекте, изучается место различных типов предложений и синтаксических структур в русской языковой картине мира. Особенно повезло в этом отношении русскому односоставному предложению, в частности предложению безличному.

Так, в работах А. Вежбицкой, очень популярных на Западе, русским приписывается «эмоциональность», «иррациональность», «неагентивность» (пассивность) и «любовь к морали», затем производится наложение этих признаков на соответствующие типы синтаксических структур. «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими, как и судьба» [1, с. 375]. В этом исследовательница усматривает принципиальное отличие русского синтаксиса от английского, в котором преобладают личные, агентивные, активные структуры.

Оппонент А. Вежбицкой З. К. Тарланов, напротив, обращает внимание на почти безграничную гибкость русского синтаксиса, позволяющую разными способами передавать одно и то же объективное содержание: *Он (был) убит на войне — Его убили на войне — Его убило на войне; Я грущу — Мне грустно — Мне взгрустнулось — Я печален* и т. п. Все это свидетельствует, по мнению ученого, о большей степени объективности русского синтаксиса по сравнению с английским, о способности с разных точек зрения посмотреть на одну и ту же ситуацию, поэтому «преобладающее начало в русской культурной традиции, актуализируемое и подтверждаемое типологией русского предложения, видится

совсем не в том, на чем акцентирует внимание А. Вежбицкая». Эта особенность русской ментальности, по мнению З. К. Тарланова, «в ее масштабной, почти безграничной широте, делающей ее открытой, лояльной, адаптируемой, протестической к иноэтническим традициям, т. е. объективированной. Та же устремленность к максимальному расширению объективирующих возможностей отчетливо прослеживается в русском синтаксисе, представляющем субъектное и предикатное начала в виде континуума, полярные точки которого приходятся на объективированные, предельно абсолютизированные субъект (номинативное предложение) и предикат (предложения типа *Светаает*)» [3, с. 133].

Как бы ни решался вопрос об отражении русской ментальности в безличных структурах, следует признать, что предложения этого типа, и в особенности структуры, характеризующие объективное состояние лица, не зависящее от его воли, занимают важное место в синтаксической системе русского языка и несут существенную смысловую и стилистическую нагрузку в русском художественном тексте.

Весьма интересно было бы проанализировать употребление этих типов предложений в таком важном, знаковом для русской литературы и для понимания «загадочной» русской души произведении, как роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» [5]. Сам Толстой, как известно, отметил, говоря о «Войне и мире», что «старался писать историю народа» [4, с. 241]. Показательна и оценка, которую дал роману-эпопее И. С. Тургенев: «Это великое произведение великого писателя — и это подлинная Россия» [6, с. 188].

В эпопее Толстого в изобилии представлены все без исключения структурные типы русских безличных предложений: глагольного типа, именного типа, предложения с предикативным причастием, предложения с категорией состояния, инфинитивные предложения, причем встречаются они во всех речевых регистрах: в повествовании, описании, рассуждении, в речи персонажей.

Особый интерес в аспекте заявленной нами темы представляют безличные предложения с категорией состояния (далее — КС), обозначающие различные психические состояния человека, обычно не контролируемые им. Предложения этого типа употребляются в романе Толстого достаточно часто. Рассмотрим, какую функциональную нагрузку они несут.

2. Семантика и стилистические функции безличных предложений с КС в романе «Война и мир». При рассмотрении этого типа предложений прежде всего бросается в глаза, что все они по своему значению распадаются на две неравные группы: а) обозначающие состояние конкретных персонажей (князя Андрея, Пьера, Наташи и др.); б) выражающие общие нравственные сентенции, размышления, имеющие отношение ко всем людям.

1. Рассмотрим случаи, когда предложения с КС передают душевные переживания и психологические состояния героев романа. Л. Толстой — мастер изображения внутренней жизни человека, сложных, противоречивых процессов, происходящих в душе человека и обычно скрытых от посторонних глаз. По меткому выражению Н. Г. Чернышевского, Л. Толстой в своих творениях рас-

крывает «диалектику души», т. е. «едва уловимые явления этой внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с чрезвычайною быстротою и неистощимым разнообразием» [7, с. 220]:

а) Одним из способов раскрытия «диалектики души» в романе является использование синтаксических структур, в которых сопрягаются два слова КС, передающие разные, иногда противоречивые чувства, одновременно обуревающие героя или сменяющие друг друга: *Ростову и жуточно и весело было ехать одному с тремя гусарами туда, в эту таинственную и опасную туманную даль, где никто не был прежде его* (IV.337-338); *Офицеру и весело стало на душе от этих звуков, но вместе с тем и страшно за то, что он виноват, так долго не передав важного, порученного ему приказания* (VII.83); *Дожидаюсь отца и поглядевшись в большое зеркало, увидала, что она хороша, очень хороша, ей еще более стало грустно; но грустно сладостно и любовно* (V.333); *Пете страшно и радостно было внимать их необычайной красоте* (VI.158); *...ей становилось то совестно за актеров, то смешно на них* (V.338); *«Началось! Вот оно! Страшно и весело!»* — говорило лицо каждого солдата и офицера. (IV.226);

б) Прибегает писатель и к использованию слов КС с антонимичным значением: *Наташа с такой полнотой и искренностью вся отдалась новому чувству, что и не пыталась скрывать, что ей было теперь не горестно, а радостно и весело* (VII.244);

в) В ряде случаев однородные члены и/или бинарные структуры со словами КС могут усиливать значение друг друга, если они являются синонимами или близкозначными словами, сходными по экспрессивно-оценочным, эмоциональным и иным характеристикам: *Страшно ли ему было идти на войну, грустно ли бросить жену, — может быть, и то и другое...* (IV.134); *...он знал, главное, что ему самому было весело и радостно* (VII.284); *Весело и трогательно было смотреть на этих влюбленных девочек, но вид их, очевидно, не возбуждал в Вере приятного чувства* (IV.60); *Наташе так весело было на душе, так хорошо в этой новой для нее обстановке, что она только боялась, что слишком скоро за ней придут дрожки* (V.274); *Князю Андрею было грустно и тяжело* (IV.251); *На душе его было радостно и счастливо* (IV.355);

г) Нередко Толстой выстраивает градационные ряды однородных членов из слов КС: *Ей, видно, было и страшно и жалко того, кто это сказал, и стыдно, что она пользовалась благодеяниями в доме, где могли говорить это, и жалко, что надо было теперь лишиться благодеяний этого дома* (V.128); *Как странно, необычайно, радостно ей было, что сын ее — тот сын, который чуть заметно крошечными членами шевелился в ней самой двадцать лет тому назад... что этот сын теперь там, в чужой земле, в чужой среде, мужественный воин, один, без помощи и руководства, делает там какое-то свое мужское дело* (IV.298);

д) Структуры с КС являются одним из конструктивных средств создания параллелизма: *Как ни трудно и странно было ему думать, что он уедет и не*

узнает из штаба того, что особенно **интересно** было ему, произведен ли он будет в ротмистры или получит Анну за последние маневры; **как ни странно** было думать, что он так и уедет, не продав графу Голуховскому тройку саврасых, которых польский граф торговал у него и которых Ростов на пари бил, что продаст за две тысячи; **как ни непонятно казалось**, что без него будет тот бал, который гусары должны были дать панне Пшаздецкой в пику уланам, дававшим бал своей панне Боржозовской.— он знал, что **надо ехать** из этого ясного, хорошего мира куда-то туда, где все было вздор и путаница (V.249); **Ему было и страшно** того, что с ним случится, и еще более страшно того, как бы ему не выказать страха. **Ему было любопытно** узнать, что будет с ним, что откроется ему; но более всего **ему было радостно**, что наступила минута, когда он, наконец, вступит на тот путь обновления и деятельно-добродетельной жизни... (V.80);

е) Предложения с КС используются писателем не только при описании переживаний героев, но и в речи персонажей как средство автохарактеристики или для характеристики других персонажей: — *Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, **больно** будет...* — Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: — *А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... **стыдно!*** — взвизгнул он (IV.141); — *Ничего... так мне **грустно** стало... грустно об Андрее,*— сказала она, отирая слезы о колени невестки (V.39); *Лакей Петр что-то сказал кучеру, кучер утвердительно ответил. Но, видно, Петру мало было сочувствия кучера: он повернулся на козлах к барину. — Ваше сиятельство, **легко** как!* — сказал он, почтительно улыбаясь. — *Что? — **Легко**, ваше сиятельство. «Что он говорит? — подумал князь Андрей.— Да, об весне, верно,— подумал он, оглядываясь по сторонам.— И то, зелено все уже... как **скоро!** И береза, и черемуха, и ольха уж начинает... А дуб и незаметно. Да, вот он, дуб»* (V.161); — Мне так **хорошо** было нынче рассказать все; и **тяжело, и больно, и хорошо**. Очень **хорошо**,— сказала Наташа (VII.236);

Предложения с КС в сочетании с другими типами односоставных предложений могут выступать в качестве основного организующего средства диалога:

— **Бывает с тобой**, — сказала Наташа брату, когда они уселись в диванной, — **бывает с тобой**, что тебе **кажется**, что ничего не будет — ничего; что все, что хорошее, то было? И не то что **скучно, а грустно?**

— **Еще как!** — сказал он. — **У меня бывало**, что все хорошо, все веселы, а мне придет в голову, что все это уж надоело и что умирать всем надо. Я раз в полку не пошел на гулянье, а там играла музыка... и так мне вдруг **скучно стало...**

— **Ах, я это знаю. Знаю, знаю,** — подхватила Наташа. — **Я еще маленькая была, так со мной это было. Помнишь, раз меня за сливы наказали, и вы все танцевали, а я сидела в классной и рыдала. Так рыдала, никогда не забуду. Мне и **грустно было, и жалко** было всех, и себя, и всех-всех **жалко**. И главное, я не виновата была,** — сказала Наташа, — **ты помнишь?**

— Помню, — сказал Николай. — Я помню, что я к тебе пришел потом и мне хотелось тебя утешить, и, знаешь, совестно было. Ужасно мы смешные были. У меня тогда была игрушка-болванчик, и я его тебе отдать хотел. Ты помнишь? (V.286-287).

2. В медитативных контекстах, представляющих собой общие размышления писателя нравственного, философского, историософского характера, используются в основном те же конструктивно-синтаксические приемы, что и при характеристике душевных переживаний отдельных персонажей. Но особую роль безличные предложения этого типа играют здесь в различных фигуративных построениях:

а) использование антонимов при выстраивании антитезы: *На небе было черно и скучно, на земле было весело* (V.297); *Легко законы писать, а управлять трудно* (IV.171);

б) параллелизм как конструктивное средство организации периода: *А между тем трудно себе представить историческое лицо, деятельность которого так неизменно постоянно была бы направлена к одной и той же цели. Трудно вообразить себе цель, более достойную и более совпадающую с волею всего народа. Еще труднее найти другой пример в истории, где бы цель, которую поставило себе историческое лицо, была бы так совершенно достигнута, как та цель, к достижению которой была направлена вся деятельность Кутузова в 1812 году* (VII.195);

в) безличные предложения могут выступать средством синтаксической организации развернутого сравнения: *Так же, как трудно объяснить, для чего, куда спешат муравьи из раскиданной кочки, одни прочь из кочки, таща соринки, яйца и мертвые тела, другие назад в кочку — для чего они сталкиваются, догоняют друг друга, дерутся, — так же трудно было бы объяснить причины, заставлявшие русских людей после выхода французов толпиться в том месте, которое прежде называлось Москвою. Но так же, как, глядя на рассыпанных вокруг разоренной кочки муравьев, несмотря на полное уничтожение кочки, видно по цепкости, энергии, по бесчисленности копышущихся насекомых, что разорено все, кроме чего-то неразрушимого, невещественного, составляющего всю силу кочки, — так же и Москва, в октябре месяце, несмотря на то, что не было ни начальства, ни церквей, ни святынь, ни богатств, ни домов, была та же Москва, какую она была в августе. Все было разрушено, кроме чего-то невещественного, но могущественного и неразрушимого* (VII.223-224).

3. Итак, анализ показывает, что безличные предложения с КС охотно используются Л. Толстым и для передачи переживаний героев, и для выстраивания их внутренних монологов, и в речи персонажей, и в разного рода исторических, философских, историософских авторских размышлениях. Возникает вопрос: действительно ли использование этого типа синтаксических структур свидетельствует о «пассивности», «иррационализме» русского миропонимания, рассматривающего мир как совокупность событий, «не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению» (А. Вежицкая)?

Безличное предложение, хотя и играет важную роль в структурировании всех регистров толстовской эпопеи, не является преобладающим синтаксическим типом и уравнивается другими типами структур, в частности, структурами агентивного типа. В этом отношении интересно было бы пронаблюдать, сколько случаев приходится у Толстого на изображение активного состояния, «контролируемого» субъектом (*рад, радуется, весел, веселится, посмотрел радостно, весело* и т. п.), с одной стороны, и на изображение «пассивного состояния» (*мне радостно*) — с другой. Проследить соотношение этих форм на всем протяжении романа — задача большого исследования, поэтому здесь мы ограничимся показом соотношения «агентивных» и «пассивных» форм в пределах одного контекста, одного повествовательного регистра:

а) описания психологического состояния персонажей: *Они смеялись и радовались* вовсе не оттого, что была причина их смеху; но им на душе было радостно и весело, и потому все, что ни случалось, было для них причиной радости и смеха. Пете было весело оттого, что, уехав из дома мальчиком, он вернулся (как ему говорили все) молодцом-мужчиной; весело было оттого, что он дома, оттого, что он из Белой Церкви, где не скоро была надежда попасть в сражение, попал в Москву, где на днях будут драться; и главное, весело оттого, что Наташа, настроению духа которой он всегда покорялся, была весела. Наташа же была весела потому, что она слишком долго была грустна, и теперь ничто не напоминало ей причину ее грусти, и она была здорова. Еще она была весела потому, что был человек, который ею восхищался (восхищение других была та мазь колес, которая была необходима для того, чтоб ее машина совершенно свободно двигалась), и Петя восхищался ею. Главное же, веселы они были потому, что война была под Москвой, что будут сражаться у заставы, что раздают оружие, что все бегут, уезжают куда-то, что вообще происходит что-то необычайное, что всегда радостно для человека, в особенности для молодого (VI.314). В этом замечательном фрагменте Толстой мастерски использует чередование «агентивных» и «пассивных» структур для передачи ощущения полноты бытия и радости от этого ощущения. Заметим, что автор не отказывается от объяснения причин состояния своих героев (обратим внимание, сколько «оттого» и «потому» в приведенном фрагменте!), хотя в зачине периода как будто намекает на иррациональный характер переживаемого ими состояния (*Они смеялись и радовались* вовсе не оттого, что была причина их смеху...). Ср. еще: *Наташа смеялась* при всяком слове, которое он говорил и которое она говорила, не потому, чтобы было смешно то, что они говорили, но потому, что ей было весело и она не в силах была удерживать своей радости, выразившейся смехом (V.11);

б) во внутренних монологах: *«И чему она радуется! — подумал Николай, глядя на сестру. — И как ей не скучно и не совестно!»* (V.64).

в) В речах персонажей: — *Что ж, тебе скучно* здесь? — спросил Пьер. — *Как не скучно, соколик. Меня Платоном звать; Каратаевы прозвище, — прибавил он, видимо, с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. — Соколи-*

ком на службе прозвали. *Как не скучать, соколик! Москва, она городам мать. Как не скучать на это смотреть. Да червь капусту гложет, а сам прежде того пропадает: так-то старички говаривали, — прибавил он быстро* (VII.52);

г) в авторских рассуждениях и обобщениях: *Становилось страшно. Очевидно было, что дело, начавшееся так легко, уже ничем не могло быть претворено, что оно шло само собою, уже независимо от воли людей, и должно было совершиться* (V.30).

Примеры можно множить до бесконечности, но все они свидетельствуют об одном: Толстой активно использует объективирующие возможности русского синтаксиса, создавая с помощью разного типа синтаксических структур **эпическую картину бытия**, в которой деятельная человеческая воля уравновешена действием стихийных «природных» и «божественных» сил. Глубоко прав В. В. Виноградов, заметивший, что «Толстой не подчиняет строй своей речи ни узким и однообразным логико-грамматическим, ни интонационно мелодическим нормам и навыкам, как, например, Гончаров или Тургенев. В языке Толстого трудно даже заметить приоритет каких-либо грамматических категорий слов или пристрастие к определенным частям речи, вроде глагола, как в прозе Пушкина, или прилагательных и наречий, как у Тургенева, или существительных, как у Гончарова. Толстой в равной мере пользуется всеми этими категориями, как бы синтезируя объективную предметно-глагольную основу речи с субъективно-качественными ее квалификациями и определениями» [2, с.190].

5. Выводы. Итак, анализ употребления безличных предложений с КС на фоне других синтаксических структур в романе-эпопее Л. Толстого «Война и мир» позволяет сделать следующие выводы:

1) мир Толстого («русский мир», мир его любимых героев) гармоничен: в нем добро и зло, радость и печаль, веселье и скорбь, рассудок и безрассудство, разум и чувство, сила и покорность — уравновешены, диалектически перетекают друг в друга, но неизменно побеждает светлое, божественное начало («и тяжело, и больно, и хорошо»);

2) безличные предложения с КС — важный, но не преобладающий тип синтаксических структур в романе Л. Толстого. В целом они достаточно равномерно распределены по тексту и используются в тех случаях, где автор хочет сосредоточить внимание на самом предикативном признаке, а не на его носителе (субъекте), подчеркнуть **объективность** того или иного состояния субъекта или окружающего мира.

Наш анализ текста романа не подтверждает тезиса А. Вежбицкой о том, что безличные и другие односоставные бесподлежащие структуры занимают какое-то особое, исключительное место в синтаксической системе русского языка, связанное с «неагентивностью», «пассивностью» русского национально-го сознания. Напротив, в романе Л. Толстого представлен весь диапазон синтаксических типов предложения — от номинативных до инфинитивных; при этом ядерной структурой, конечно же, является двусоставное глагольное предложение. Поэтому роман «Война и мир», будучи подлинно национальной эпо-

пеей, в которой «перед читателем проходит целая эпоха, богатая великими событиями и крупными людьми..., разворачивается целый мир со множеством выхваченных прямо из жизни типов, принадлежащих ко всем слоям общества» [6, с.187], подтверждает, скорее, вывод З. К. Тарланова о том, что в русском синтаксисе отчетливо прослеживается «устремленность к максимальному расширению объективирующих возможностей» [3, с. 133].

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
2. *Виноградов В. В.* О языке Толстого (50-60-е годы) // Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / отв. ред. А. П. Чудаков; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 2003. 390 с.
3. *Тарланов З. К.* Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. 784 с.
4. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1964. Т. 15. Война и мир. Черновые редакции и варианты. 1955. 334 с.
5. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: в 22 т. М.: ГИХЛ, 1978–1985. При цитировании романа Толстого «Война и мир» в тексте статьи в скобках первая цифра (римская) обозначает номер тома, вторая (арабская) — страницу.
6. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. М.-Л.: Наука, 1961–1968. Т. 15. 1968. 494 с.
7. *Чернышевский Н. Г.* Избранные статьи. М.: Советская Россия, 1978. 368 с.

Об авторе

СЕМЕНОВ Петр Александрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Балтийского института иностранных языков и межкультурного сотрудничества, Санкт-Петербург; e-mail: 2331638@mail.ru